

Мир
Амман
и
Сад
весна

Перевод

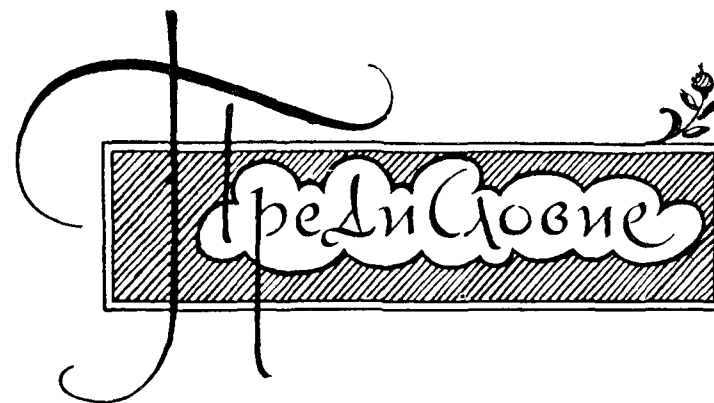
Г. А. ЗОГРАФА

Под редакцией

В. М. БЕСКРОВНОГО

Стихи в переводе

А. СЕНДЫКА

Х у д о ж н и к

Е К О Г А Н

Л

итература урду принадлежит к числу так называемых новых индийских литератур, сложившихся на современных живых языках народностей Индии в течение последних нескольких сотен лет. Именованная словом «новая» литература, история которой исчисляется столетиями, можно только в относительном смысле, имея в виду богатство и древность всей совокупности индийских литератур в целом.

Действительно, в сравнении с древнеиндийской и среднеиндийской литературами, создававшимися на санскрите, а затем также на пали и праkritах, начиная с эпохи, отделенной от нас по меньшей мере тремя тысячами лет, литературу урду, начавшую складываться три-четыре века назад, нельзя назвать старой.

История урду и литературы на этом языке своеобразна.

В средневековой Индии, как и во многих других феодальных государствах, литература господствующих классов создавалась на «классических» языках, отличающихся от разговорной речи народа.

Индусские феодалы и окружавшее их брахманство — носители традиционной учености — пользовались древним санскритом, который давно уже вышел из живого употребления и стал таким же мертвым языком ортодоксальной литературы и науки, каким была латынь в средневековой Европе. Однако выработанные в этой литературе традиции не могли впоследствии не сказаться в какой-то мере на развитии новиндийских литератур и их языков.

Но помимо санскрита в феодальной Индии существовал еще один «классический» литературный язык, непонятный простому народу. Его принесли завоеватели-мусульмане, хлынувшие сюда с XI столетия из Средней Азии и Афганистана.

В течение ряда веков они вливались в Индию волна за волной и оседали здесь, поработав местное население. Литературным языком у них был персидский, который стал в Индии не только обычной речью мусульманских феодальных дворов, но долгое время служил и для всего официального делопроизводства. Широкое распространение получила литература на персидском языке, на нем писали здесь не одни лишь местные придворные поэты и летописцы. Привлеченные щедротами индийских правителей, к их дворам стекались писатели из Средней Азии и Ирана. Здесь постепенно сложилось свое особое литературное направление, отличавшееся по стилю от персидской литературы, которая развивалась в Иране. Больших успехов индо-персидская литература достигла в эпоху расцвета империи Великих Моголов. Да и впоследствии персидский язык, наряду с уже развившимися новоиндийскими языками, долго еще оставался литературным языком Индии. На нем написана значительная часть произведений таких крупнейших поэтов, писавших на урду в XIX и XX столетиях, как Галиб и Икбаль.

Особенность литературы урду по сравнению с другими новоиндийскими литературами заключается в том, что в начальном периоде своего развития она явилась в некотором роде преемницей традиций индоперсидской литературы. В конце XVI и XVII вв. в княжествах Биджапур и Голконда, расположенных на Декане, а с начала XVIII столетия на севере — в Дели и Лакхнау — придворные поэты-мусульмане, творившие раньше только на персидском языке, принимают писать и на хиндустани — одном из важнейших языков Северной Индии. Однако, перейдя на новый язык, многие из них сохранили старые литературные приемы: идеи, темы и формы их воплощения в основной массе оставались те же, что и прежде. Стихи на языке хиндустани стали слагаться по персидским размерам, в них переносились многие персидские традиционные образы, сравнения, эпитеты. В хиндустани начало резко расти использование лексических заимствований из персидского языка, и в результате сложился особый литературный стиль или, как часто говорят, литературная форма хиндустани, именуемая урду. Отличительными

чертами урду являются обильное употребление слов, почерпнутых из персидского языка, и использование арабского письма, в противовес другой литературной форме того же языка — хинди, которая заимствует лексику из санскрита и пользуется индийским письмом деванагари. Литература урду оставалась под сильным влиянием индо-персидской литературы до середины XIX в. По существу она все еще отражала идеи и воззрения феодального общества. Писатели и поэты, происходившие, как правило, из придворной знати, помещичьих и военных кругов, искали свой идеал в прошлом и писали на традиционные темы, вкладывая в старые сюжеты свое отношение к миру.

Вплоть до самого начала XIX в. на языке урду, как, кстати сказать, и на других новоиндийских языках, создавалась почти исключительно одна поэзия. Проза возникла сравнительно недавно — она развивается с начала XIX в. Попытки писать прозой на хиндустани предпринимались и раньше, но не имели серьезного успеха. Только в первые годы XIX столетия появились произведения в прозе, получившие широкое признание. К их числу относится книга «Сад и весна» Мир Аммана.

О жизни Мир Аммана известно очень немного. Родился он в Дели, где его предки служили при дворе Великих Моголов еще в XVI в. Некогда они были богаты и знатны, но упадок Могольской империи в XVIII в. отразился и на них. Затем походы афганцев, неоднократно опустошавших Северную Индию, и восстания индийских племен лишили Мир Аммана поместий и всего наследственного достоинства. Ему пришлось покинуть родной дом и семью и пуститься странствовать в поисках пропитания. Несколько лет он провел в городе Патне, потом отправился еще дальше на восток — в Калькутту. Здесь он сначала был воспитателем в аристократическом мусульманском семействе, а в 1801 г. поступил на службу в недавно открывшийся колледж Форты Вильям, где обучались молодые чиновники англо-индийской службы. Для изучения живых новоиндийских языков были необходимы произведения, написанные языком, не слишком далеким от разговорной речи. Поэзия, носившая отпечаток искус-

ственности, этому требованию не отвечала, а потому администрация колледжа пригласила ряд литераторов, индусов и мусульман, для создания прозаических сочинений на важнейших новоиндийских языках. В их число попал Мир Амман, которому было поручено написать книгу, как он сам говорит, «на чистом индийском наречии (хиндустани), на котором разговаривает между собою народ на базаре: индусы и мусульмане, женщины и мужчины, дети и подростки, знатные и простые». В результате более чем года работы появилась книга «Сад и весна».

Обо всем этом рассказывает сам Мир Амман в своем введении к книге. Очень скудные добавочные сведения можно почерпнуть из протоколов заседаний совета колледжа Форта Вильям, хранящихся ныне в Национальном архиве Индии в Дели. Там, в частности, сообщается, что в мае 1801 г. Мир Амман в числе других индийцев был утвержден в должности преподавателя хиндустани (мунши) с окладом в 40 рупий. Затем, 23 августа 1802 г., Мир Амман был награжден пятьюстами рупий за окончание работы над книгой «Сад и весна», а в 1804 г. он завершил работу над другим своим произведением — «Сокровищница добродетели», менее удачным, чем первое, и оставшимся малоизвестным. В середине 1806 г. Мир Аммана освободили от преподавания в колледже вследствие преклонного возраста и слабого здоровья, и на этом его следы теряются.

Кроме прозы, Мир Амман писал и стихи, выступая под псевдонимом Лутф, но славу ему принесла только проза, и именно «Сад и весна», благодаря своему живому, яркому, образному языку и увлекательному содержанию. Заслуга Мир Аммана заключается в том, что он сумел противостоять господствовавшему среди поэтов урду, его современников, стремлению усложнять язык, безмерно «украшать» и «облагораживать» его за счет персидского. Мир Амман обратился к неисчерпаемой сокровищнице народной речи и принялся писать, по собственному его выражению, в такой манере, «словно кто-то ведет разговор». Действительно, богатства живого языка всюду проступают в книге «Сад и весна», полной метких слов и образных выражений. По своим языковым

и стилистическим достоинствам проза Мир Аммана занимает видное место в истории языка урду и литературы на нем. В течение прошлого столетия эта книга выдержала несколько десятков изданий — несравненно больше, чем любое из современных ему произведений на урду, и продолжает часто издаваться поныне.

Мир Амман воспользовался известным в Индии сюжетом «Истории четырех дервишей», изложив его по-своему, и его «Сад и весна» пользуется наибольшей известностью среди всех существующих в Индии сочинений на тот же сюжет как предшествующих, так и более поздних. Творческое использование традиционных сюжетов — явление обычное не только для индийской, но и для целого ряда средневековых восточных литератур. Оно не умаляет самостоятельной ценности произведения, так как в рамках общей фабулы писатель чувствует себя весьма свободно: он по-своему рисует обстановку, в которой совершается действие, дает собственный анализ поступков героев, — словом, вносит в трактовку сюжета как можно больше своей индивидуальности.

«Сад и весна», или «История четырех дервишей», следует весьма распространенному в Индии композиционному построению: ряд независимых друг от друга историй объединяется как рамкой вводным рассказом, окончание которого служит общим заключением. Все части произведения выступают как повествования отдельных лиц; в свою очередь они сами могут содержать вставные рассказы. Так построены многочисленные индийские сборники сказок, подобным же образом множество самостоятельных историй разного объема заключают в себе грандиозные древнеиндийские эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна». Эта схема вместе с сюжетами проникла из Индии в соседние страны — сначала в Иран, а оттуда к арабам, где нашла воплощение в знаменитых сказках «Тысяча и одна ночь». Воспользовались ею и мастера итальянского Возрождения.

Структура «Истории четырех дервишей» сравнительно проста. Незамысловатый обрамляющий рассказ о падишахе, жаждущем наследника, включает в себя четыре повести дервишей об их неудачной любви и большую, полную острых

приключений повесть о кунце и его вероломных братьях, рассказанную падишахом. К последней — в качестве ее части — примыкает рассказ кунца о похороненном заживо молодом человеке. По общему характеру все это произведение можно рассматривать как своеобразную форму восточного романа, стоящего на грани волшебной сказки. Творения подобного жанра не новость для Индии. Например, одному из крупнейших классиков санскритской литературы Дандину (около VI в. н. э.) принадлежит роман «Приключения десяти принцев», где на фоне фантастических, чисто сказочных приключений даны яркие картины жизни различных слоев индийского общества. Построен он аналогично «Истории четырех дервишей»: каждый царевич рассказывает о своих похождениях, причем любовный элемент и здесь занимает центральное место.

Корни происхождения «Истории четырех дервишей» не вполне ясны. Общий характер фабулы и некоторые второстепенные детали дают основание предполагать индийское происхождение этой истории. Несомненно, что впоследствии она подвергалась значительному влиянию персидских литературных традиций. Но и известный сейчас персидский вариант «Истории четырех дервишей», по всей видимости, оформился в Индии. Обычно его создание приписывают знаменитому делийскому поэту Амиру Хосрову (умер в 1325 г.), что крайне сомнительно, так как вариант этот носит признаки более позднего происхождения. Скорее всего он сложился только в XVII или в начале XVIII в., но и в таком случае в качестве возможных его создателей называют опять-таки писателей, творивших в Индии. В конце XVIII в. этот сюжет изложил на урду писатель Мир Мухаммад Хусейн Ата-хан, носивший псевдоним Тахсин. Однако его произведение, написанное крайне тяжелым искусственным языком, признания не получило и ныне забыто. Наконец, в 1802 г. Мир Амман написал книгу «Сад и весна», завоевавшую наибольшую популярность. Известно еще несколько позднейших вариантов этой истории как на урду, так и на других новоиндийских языках. Почти все они основываются на книге Мир Аммана.

Название «Сад и весна», которое Мир Амман дал своему произведению, не имеет непосредственной связи с содержанием и представляет просто хронограмму, обозначающую год написания книги по мусульманскому летосчислению.

Не лишено интереса авторское введение, хотя оно и написано в старом, традиционном для средневековых мусульманских сочинений духе. Вслед за обязательными в таких случаях славословиями Аллаху, пророку, святым, а за ними и земным покровителям автора Мир Амман излагает причины, побудившие его взяться за создание книги. Наибольшее внимание здесь заслуживает та часть, которая посвящена истории языка. Это первая известная в литературе попытка осветить происхождение урду.

Своим построением «Сад и весна» Мир Аммана несколько отличается от известных персидских вариантов «Истории четырех дервишей»: переменены местами рассказы второго и третьего дервишей, изменены пропорции частей, иначе освещаются некоторые конкретные ситуации. Известный в Индии и Пакистане филолог доктор Абдулхак, большой знаток литературы урду, на основе сопоставления версий Мир Аммана и Тахсина с персидскими пришел к выводу, что Мир Амман безусловно должен был быть знаком с переложением Тахсина и использовал его в работе над своим вариантом «Истории четырех дервишей».

Это не умаляет своеобразия книги «Сад и весна», особенно заметного в трактовке деталей. Мы отчетливо видим здесь приметы страны и эпохи. Хотя действие и переносится в далекие экзотические страны: то на Аравийский полуостров в Яман (Йемен), то в Шам (Сирия), то в столицу «султана правоверных» Константинополь, то в разные области Аджамы (Иран), то на восток — в Чин и Мачин (Китай), то далеко на запад — в Фаранг (Европа), — повсюду встречаемся мы с одной и той же обстановкой, с тем же образом жизни. Везде изображается быт мусульманской феодальной аристократии в том виде, как его наблюдал сам Мир Амман у себя на родине, в Дели. Черты Индии проявляются особенно ярко, когда дело касается каких-либо подробностей обыденной жизни. Мусульмане здесь следуют многим индусским обычаям: они

жуют бетель, ставят на лоб благословляющий знак — тйку, носят индийскую одежду и готовят индийскую пищу. И это не удивительно, потому что «Сад и весна» представляет собою волшебную сказку, и все поименованные страны очень напоминают лежащее за «тридцать земель» «тридцатое государство» наших сказок, которое лишено каких-либо конкретных примет. Поэтому и в русском переводе за перечисленными странами сохранены те названия, которые дает им автор: ведь Чин у него ничем не напоминает Китай, а Фаранг едва ли похож на европейское государство.

Фантастика действия подчеркивается тем, что на сцену нередко выступают сверхъестественные силы в лице пери, джиннов и дэвов, которые то содействуют людям, то разрушают все их усилия. Но вмешательство этих сил в жизнь героев проявляется далеко не всегда и возможности их ограничены. Так, прекрасная пери в рассказе второго дервиша не в состоянии продлить встречу с возлюбленным, а царь джиннов и пери из рассказа четвертого дервиша сам вынужден обратиться за помощью к человеку. Характерно, однако, что окончательное устройство судеб героев не обошлось без вмешательства «владыки всех духов».

Такой способ разрешения трудностей здесь не случаен — он логически восходит к тому мировоззрению, которое проповедуется религией: «Будь покорен судьбе, надейся на Аллаха — и дела твои как-нибудь устроятся». Это фаталистическое пассивное отношение к жизни, представляющее смесь религиозного фанатизма с грубыми суевериями, было порождено самым развитием общества. Жестокая феодальная эксплуатация сопровождалась в условиях восточных деспотий полным бесправием низшего перед лицом вышестоящих, слабого перед сильным — в книге «Сад и весна» можно найти достаточно примеров этому. И конечно, господствующие классы сознательно поддерживали и воспитывали такое пассивное мировосприятие, ибо оно убивало в массах веру в свои силы, заставляло их смиряться с существующими несправедливостями.

Но постоянные призывы к Аллаху и его милости далеко не всегда звучат в книге «Сад и весна» как проявления фа-

натической веры. Куда чаще они выглядят как привычные заклинания, простая божба. Неоднократные похвалы исламу — «лучшей из религий» — не подкрепляются действием. Стоит только мусульманину оказаться в кругу иноверцев, он легко подчиняется их обычаям, участвует в их религиозных обрядах, и различие в вере нисколько не мешает ему подлаживаться и добиваться преуспевания. Здесь нашла отражение та веротерпимость, которую поддерживал в Индии еще могольский император Акбар (1556—1605), поощрявший сотрудничество мусульман и индусов. О религиозной вражде в тех размерах, которых она достигла под влиянием английской политики «разделяй и властвуй», во времена Мир Аммана не было речи.

Вообще читатель столкнется в этой книге со многими противоречиями. Возвышенные идеи, провозглашаемые автором, не всегда вяжутся с развитием действия. Герои, при первом же знакомстве с ними щедро наделяемые всевозможными добродетелями, на поверку нередко оказываются беспринципными. Когда их влечет к себе какая-то цель, они, бывает, не стесняются в средствах. С другой стороны, в затруднительном положении они теряют все свои доблести и ждут, пока судьба пошлет им помощника.

Все эти черты характерны для индо-мусульманской литературы средневековья. Они сохранились и в книге «Сад и весна», созданной в эпоху окончательного развала феодальной империи в Индии, но опирающейся на сюжет более раннего происхождения. Хотя это произведение, не в пример большинству других индийских сказочных сборников, которые носят правоучительный характер, преследует главным образом развлекательные цели, оно содержит немало ярких картин жизни и быта, правда довольно узких кругов общества, и в какой-то мере познакомит наших читателей со старой Индией.

Г. Зограф

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
<i>Г. Зограф. Предисловие</i>	5
Сад и весна	
<i>Вступлени е</i>	19
<i>Начало истории</i>	25
<i>Похождения первого дервиша</i>	37
<i>Похождения второго дервиша</i>	81
<i>История Азадбахта-падишаха</i>	123
<i>Похождения третьего дервиша</i>	193
<i>Похождения четвертого дервиша</i>	215
<i>Окончание истории</i>	235
<i>З а к л ю ч е н и е</i>	245
<i>П р и м е ч а н и я</i>	247

БИБЛИОТЕКА

**ИНСТИТУТА
НАРОДОВ АЗИИ
И АФРИКИ
ИМЕНИ НАУК
СССР**

М и р А м м а н

САД И ВЕСНА

Утверждено к печати Редакционным советом востоковедной литературы при Отделении исторических наук АН СССР

Редактор издательства Е. М. Медведев
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор С. В. Цветкова
Корректоры Е. Г. Григорьева и Г. А. Невелева

Сдано в набор 3/VI 1960 г. Подписано к печати 23/VI 1962 г.
А-07483. Формат 60 × 84/16. Печ. л. 16,5. Усл. п. л. 15,06.
Уч.-изд. л. 10,84. Тираж 15 000 экз. Зак. 1696 Цена 70 коп.

Издательство восточной литературы. Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.